

DOI:

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА НАРОДОВ КБР: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Н.А. Шаожева
М.А. Ульбашев

Статья освещает ряд проблем генезиса норм традиционных поведенческих норм кабардинцев и балкарцев. Особое внимание уделяется адатным стандартам в их связи с функционированием этнических институтов силового и контролирующего плана – структурам мыртазаков и бейголей. Будучи порождением потестарных форм организации социума народная полиция народов Кабардино-Балкарии сохраняла своё функциональное значение вплоть до конца первой четверти XIX в., достаточно успешно адаптируясь к последовательным эволюционным изменениям национальных сообществ. Причиной такого стабильного бытования первичных органов правопорядка у этносов КБР было многообразие общественных орденов жизнедеятельности и воспроизводства, сохранявшее черты практически всех цивилизационных локаций, связанных с Северным Кавказом. Показано, что культура коренных народов республики несет в себе реликты самых разнообразных модификаций общественного устройства, включая даже рудименты городского жизненного уклада. Это разнообразие нормативных стандартов Кабарды и Балкарии сохранялось до окончательной деструкции феодальных иерархий народов, ставшей неизбежной при вхождении в орбиту государственности Российской империи, и, во многом, инициированной ею же. Сделан вывод о том, что нормы традиционного права народов КБР, восходившие к генетически различным цивилизационным этапам царской администрации не различались. И главной точкой формирования конфликта между системами государственности Российской империи и остаточными формами суверенности народов КБР в конце XVIII – начале-середине XIX в. было не само явление полиюридизма (юридического плюрализма), а сохранение в общем корпусе полиюридических воззрений и стандартов институтов архаичных, потестарных сообществ, регулировавших быт этносоциума лишь частично.

Ключевые слова: *нормативно-правовое пространство, обычное право, социальная модель, потестарное общество, надзорные функции, полиюридизм, этносоциум.*

Для цитирования: *Шаожева Н.А., Ульбашев М.А. Специфика юридического плюрализма народов КБР: цивилизационные основания институтов обычного права // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54 (93). С.56-65. DOI:*

Развитие нормативно-правового пространства любого государства – процесс весьма сложный и разнонаправленный. Одной из составляющих самого хода формирования правовой базы являются факторы повышения уровня комфортности и безопасности населения [1, 404-407] – мысль, не требующая особых доказательств в координатах нормального нетиранического общества. Логическим продолжением этого тезиса может стать то обстоятельство, что значимой осно-

вой нормативной, юридической базы общества выступают стандарты обычного права. И уже на этом этапе возникают определенные трудности в выявлении исходных основ обычного права, что особенно актуально для тех культурных регионов, в которых наблюдалась частая смена социальных устоев и рекреативных практик.

Примером такого региона и является северный Кавказ, в частности, Кабардино-Балкария. Попытки проследить историю

цивилизационных взлётов и падений этносов Северного Кавказа обречены на неудачу. Мы можем лишь предполагать уровень и качество цивилизационного развития первых очагов культуры известных науке, таких, как майкопская археологическая культура или кобанская. Но уже в историческое время, в преддверии новой эры и после наступления ее, народы Северного Кавказа имели культурные контакты и были интегрированы в античный мир. При этом первой формой донорной цивилизации, являлась рабовладельческая, затем региональные сообщества стали приверженцами христианства, жили в условиях мощных государственных образований, таких, как древняя Булгария, гуннский союз, Алания, Золотая Орда, не говоря уже о фронтальных зонах взаимодействия с государствами Закавказья, империями Ближнего Востока и восточными славянами.

Каждая общественная система стремится к формированию силовых структур, ориентированных на сохранение существующего порядка; однако в условиях такой пестроты социальных и государственных норм, которая сложилась на Северном Кавказе в последние две тысячи лет, говорить о преимущественном влиянии того или иного общественно-юридического порядка не приходится. Даже канонические хрестоматийные образцы социальных моделей на Северном Кавказе представлены в таком взаимно интегрированном виде, что это вводит в заблуждение исследователей и скрывает от них возможности корректной постановки проблемы. Например, многие авторы анализировали обычное право народов Северного Кавказа и пространство его взаимодействия с юрисдикцией Российской империи [2], [3], [4], [5], [6], [7]. К таковому применялось понятие «полиюридизм» («юридический плюрализм») [8, 24-25], по всей видимости, по причине отсутствия схем нормативной регуляции жизни в их чистом виде в виде, допускающем, хотя бы, приблизительную типологизацию и классификацию.

Но даже в том массиве норм и стандартов, которому мы относим к области традиционного права, области воздействия адатов, возможно, выделить две генетически несовпадающие сферы. Так, у кабардинцев и балкар-

цев существовали нормативные положения, восходящие к потестарным сообществам и значительная часть жизни горцев регулировалась именно ими. К таковому возможно отнести обычаи кровного родства и кровной мести, брачные нормы определенного порядка, многочисленные табу коммуникативного плана, например, избегания родственников мужа, модели репродуктивного поведения, связанные с ведением хозяйства, взаимодействие с соседями и другими сообществами и т.д. Спорить с тем, что обычай кровной мести относится к разряду адатных норм не приходится, в тоже время к сфере обычного права относят и существование исполнительных органов Кабарды и Балкарии, деятельность которых подвергалась анализу в исследовательской литературе лишь по остаточному принципу. Речь идет об институтах общественной полиции – так называемых «мыртазаках» у балкарцев и «бейголях» Кабарды.

Однако следует понимать, что установление типологически различных норм, регулирующих поведение населения, то есть, адатных норм – процесс, ориентированный, в основном, на их традиционное понимание. Сегодня трудно уверенно дифференцировать мотивацию и причины формирования тех или иных стандартов, тем более их происхождение. Однако в ряде случаев эти параметры очевидны и говорят нам о значительных расхождениях в цивилизационном статусе и функциональности тех или иных положений обычного права. Например, упоминавшиеся выше институты общественной полиции могут быть наследием высокоорганизованных городских сообществ или популяций, близких к таковым. Несмотря на то, что последнее пятьсот лет кабардинский и балкарский этносы развивались в режиме патриархальных и феодальных социумов, оба эти народа знали достаточно продолжительные периоды существования в условиях городской цивилизации.

Относительно адыгской элиты можно утверждать, что часть их поведенческих норм, а, соответственно, и норм обычного права, прошла становление в границах полисной культуры греческой и гетуэзской формации. На сегодняшний день в печати появились отдельные исследования в этом направлении

[9, 289-308]. Повседневная жизнь и материальные атрибуты аристократических адыгских народов, как нельзя более явно, свидетельствуют о сказанном. В частности, маркерные признаки принадлежности к высшим феодальным слоям населения у кабардинцев – такие, как тиарообразные шапочки женщин, девичьи корсеты, котурны-пхеваке – все это явно имеет западноевропейское происхождение, что подтверждается наличием прямых аналогов данных объектов в повседневном обиходе генуэзского нобилитета XIII-XIV вв. Интеграция элиты адыгских народов в систему поселений Генуэзской Республики была настолько заметным социальным явлением, что речь можно вести о создании и появлении дуальных моделей этнического управления городами на побережье, а тем более – в отдалении от него. Создавались целые династии смешанного, адыго-итальянского происхождения, что, само по себе, свидетельствует о высоком уровне проникновения стандартов городской цивилизации в повседневную жизнь горцев, более того, некоторые традиционные узоры женского костюма адыгских женщин напрямую восходят к обычным мотивам древнегреческого изобразительного искусства, что говорит нам о связях адыгов с античными городами-полисами, расположенными на берегах Черного моря.

Балкарцы как одна из составляющих аланского государства также имели опыт существования в условиях города. Об этом говорят развалины средневековых и ранне-средневековых городищ на территории горной части КБР, например, Лыгыта, устные предания о жизни некоторых патронимий в Маджаре. Хотя в обыденном сознании Северный Кавказ и Предкавказье не ассоциируется с урбанистической цивилизацией, сам характер сохранившихся свидетельств говорит нам об обратном. Например, городище Лыгыт в верховьях Чегемского ущелья на высоте двух километров над уровнем моря представляет собой образец поселения с развитой коммунальной структурой, конкретно – с вымощенными камнем улицами и центральным водопроводом [10]. Последний до сих пор функционирует и обеспечивает жителей соседнего села Эль-Тюбю питьевой водой. По результатам археологических изы-

сканий, проведенных в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века, большинство обследованных строений на территории Лыгыта – таковых было чуть менее десяти – являлись медеплавильнями.

Говоря же о периоде до нашествия Тамерлана, мы можем достаточно уверенно констатировать существование устойчивой традиции урбанистической витальности на территории Северного Кавказа. Судя по описаниям Гильденштедта, Клапрота, других путешественников, в ближайшем Предкавказье располагалась сразу несколько крупных городов, один из которых, а именно, Кырк-Маджар, был самым крупным городом европейского Средневековья. Судя по свидетельствам и описаниям XVIII-XIX вв., он занимал площадь около 20 кв. км, имел мощные улицы, центральную канализацию, центральный водопровод и даже централизованное воздушное отопление. При этом здания Кырк-Маджара были украшены мозаикой [11, 89-90].

Также можно напомнить, что адыгские воины составляли заметный компонент армий чингизидов и, надо полагать, были знакомы с городской жизнью их державы [12, 281], а, судя по истории реставрации на престоле Сарая прямой линии наследников Джучи-хана в конце XIII в., среди ближайших придворных заметную роль играли выходцы с территории населенной предками современных народов региона. Во всяком случае, целый ряд летописей отмечают решающую роль в процессе утверждения верховным правителем хана Узбека, сыгранную ближайшими царедворцами Асатаем и Алатаем [13, 278-279]. Исходя из ономастических норм формирования личных имен, вероятнее всего – асом и аланом. Кроме того, нелишним будет напомнить, что и сам великий хан Узбек, при котором Золотая Орда достигла пика своего могущества, являлся воспитанником беклербека Инала [14, 50], что, на наш взгляд, напрямую соотносится с обстоятельствами истории становления нобилитета адыгов.

Нет никакого сомнения, что после деградации урбанистических систем общежития часть норм, существовавших в условиях городского поселения, сохранилась в виде поведенческих стандартов адатного характера, и городские нормы явно выступали элемента-

ми генерационного основания определенных областей традиционных норм – как социорегулирующих, так и этико-моральных. Однако обычное право народов Кабардино-Балкарии формулами урбанистической жизнедеятельности не исчерпывается. Кабардинцам и балкарцам не чужды институты демократического устройства общества, причем именно те из них, которые не могли появиться в жестко иерархических феодальных сообществах – с одной стороны. С другой – это были институты, также противоречащие системам общежития горцев, актуальным к началу регулярных контактов Кабарды Балкарии со структурами государственности Российской империи.

Таковыми можно признать функционировавшие вплоть до вхождения в состав Российской империи выборные коллегиальные органы – Хасэ у адыгов и Тёре – у балкарцев. Насколько жизнеспособны они были в XIX в., сказать трудно. Последний зафиксированный народной памятью сбор большого Тёре относятся к периоду между 1812 и 1822 гг. Появление Тёре касалось земельного спора между Барасбиевыми и Толгуровыми по поводу участка Толгур-Чегет [15]. Дату созыва Хасэ придется, по всей видимости, отнести к XVIII в. – прежде всего, по причине сравнительно раннего вхождения Кабарды в систему государственности Российской империи.

Главное же – сегодня мы не видим предпосылок становления таких органов представительной власти, какими, по сути, являлись Хасэ и Тёре, и можем лишь констатировать наличие таковых в прошлом у народов Кабардино-Балкарии

В этом смысле принципы функционирования коллегиальных властных органов мы относим к адатным нормам лишь условно, за неимением терминологического инструментария, адекватно описывающего ситуацию, в которой сословно-феодалная структура социума соседствует с образованиями явно демократического характера.

Но и это не исчерпывает всего объема традиционных витальных стандартов кабардинцев и балкарцев, которые можно было бы классифицировать, как область адатного права. Некоторые установленные образцы поведения явно восходят к весьма архаич-

ным типам общественных формаций. Мы говорим о тех обычаях и канонах поведения, которые можно вывести лишь из потестарных социальных конструктов, лишь из самых примитивных версий общественного устройства, закономерно вытекавших из того состояния человеческой популяции, когда главной целью ее было физическое выживание. Хотя в исторической памяти народов не сохранилась прямая информация о таких явлениях, как геронтоцид, или убийство детей появляющихся сверх жизненной репродуктивной нормы, однако косвенные свидетельства о наличии подобных стадных обычаев имеется в фольклоре Северного Кавказа, в частности в эпосе народов Кабардино-Балкарии. Например, в одном из эпизодов Нартиады с соответствующим содержанием, упомянуты сцены, связанные с планируемым убийством Ёрюзмека-Озырмеса [16, 33; 17, 195] и поеданием щенков супругой-эмегеншей Алаугана [18, 410].

Можно утверждать, что генерационная база общественного устройства народов Кабардино-Балкарии вплоть до конца XVIII – начала XIX в. имела неоднородный характер. Она формируется под влиянием норм и практик трёх различных стадий развития общества: родоплеменного потестарного уклада, жесткого феодального устройства эпохи Золотой Орды, и военно-аристократической демократии, сложившейся в период позднего средневековья и существовавшей параллельно с системами государственной власти державы чингизидов. Несмотря на мультигенетический характер формирования нормативного поля народов Кабардино-Балкарии, последние выработали универсальные институты, интегрированные в разнонаправленные в онтологическом плане структуры общественного бытия. Так, при окончательном слиянии указанных трёх социально-цивилизационных формаций появились и первые органы наблюдения за порядком. Это были исполнители воли высших выборных учреждений кабардинцев и балкарцев – Хасэ и Тёре соответственно – институты бейголей и мыртазаков. Функции и роль последних были зафиксированы в ряде научных трудов [15], память о бейголях, к сожалению, сохранилась лишь в устной традиции.

По всей видимости, бейголи и мыртазаки выполняли сугубо надзорные функции, может быть, следили за порядком, но собственно силового потенциала у предполагаемых отрядов этого прообраза полиции, точнее, института шерифов не было. В многочисленных устных преданиях о принятии тех или иных силовых решений, требовавших вмешательства военных и военизированных соединений, нет упоминаний о роли и действиях мыртазаков и бейголей. В частности, в коллективном истреблении рода чегемских князей Рачикаовых, произведенном по решению большого Тёре, мыртазаки не участвовали¹. Равным образом они не отмечены в событиях, связанных с уничтожением рода Чоллуриных (Жабоевых)², ни разу не вмешивались в споры и конфликты между княжескими патронимиями. Функции их исчерпывались наблюдением за дисциплиной во время жеребьевки покосных и пастбищных участков, за спокойствием при проведении обрядовых и ритуальных мероприятий, иногда - крайне редко - в сопровождении обозов с территории Балкарии в пункты назначения за ее пределами.

Приход ислама и шариатского судебного уложения не изменил функции первичной «национальной полиции». Она оказалась вполне дееспособна и в среде мусульманского правосудия. Вплоть до введения в жизнь практику российских структур законодательства и правопорядка, контингент мыртазаков и бейголей исправно выполнял свои задачи, соблюдая постановление коллективных выборных органов и шариатских судов. Деятельность национальных учреждений правопорядка была оплачиваемой и выполнялась на профессиональной основе, однако у балкарцев срок службы мыртазаков был ограничен пятью годами³ (по другим сведениям, он доходил до шести лет), а у кабардинцев практиковался пожизненный перевод крестьян в разряд бейголей.

Внимания заслуживает то обстоятельство, что национальные надзирающие органы и в Кабарде, и в Балкарии, очевидно, являлись порождением сословного феодального устройства социума, так как в связи с деструктуризацией и упадком феодальных отношений у кабардинцев в первой половине

девятнадцатого века, сходит на нет и роль института бейголей. С прекращением практики регулярного созыва Хасэ, бейголи постепенно трансформируются в дворянские страты уорков второй, третьей и так далее степеней. У балкарцев же, по ряду обстоятельств сохранивших основные черты феодального сословного общества вплоть до отмены крепостного права, институт мыртазаков продолжал действовать до конца 3-й четверти XIX в.

Жители Кабарды достаточно рано начали отходить от опыта использования норм обычного права и обращаться в официальные судебные органы российской империи. Так, уже в первой половине позапрошлого века мы наблюдаем, как в рамках борьбы с умыканием невест, жители национальных сел равнины используют судебные органы государства даже в таких щепетильных вопросах, как брак. Примечательно при этом то, что к посредству российского законодательства прибегали не только низшие слои населения, но и вполне родовитые аристократы, пытавшиеся вырваться из ограничений беспрекословного подчинения адатам. По крайней мере, именно так можно оценить первый процесс по иску представителей дворянства, поданному в связи с несогласованным увозом девушки из семьи. Заявление было написано представителями рода Лиевых [19, 83-85]. Последние не входили в родовую традиционную аристократию Кабарды, но в свое время являлись высшей стратой нобилитета абазинского народа – *амыста-ду*. Как известно, территория верховных владельцев абазинского народа – Лоовых – была даже не княжеством, а, скорее, царством, так как Лоовы числились сюзеренами около полудюжины княжеских родов, потерявших свой статус после исчезновения собственной национальной государственности.

В целом же правоохранительные структуры, относящиеся к перечисленным выше общественным формациям и их вариантам, имеют одну общую характерную черту: исходя из имеющейся информации, можно утверждать, что и бейголи, и мыртазаки собственно силовыми прерогативами не обладали. Это были институты поддержки порядка, институты коррекции и поддержки традици-

онных витальных практик, и им было чуждо силовое решение возникающих проблем. Основное предназначение адатных структур – помощь обществу в соблюдении привычных поведенческих эталонов и никоим образом не воздействие на таковые. В тех случаях, когда этнические сообщества были вынуждены прибегать к силовым методам коррекции ситуации, речь шла о формировании временных силовых соединений на основе воинских страт населения. Происходило это, по всей видимости, ввиду того простого обстоятельства, что и у кабардинцев, и у балкарцев функции силовой гарантии нормальной работы общественных институтов и спокойствия народа принадлежали исключительно аристократическим слоям населения: «Бей, знатные люди и сипаги одни только могут носить оружие и иметь его у себя; подвластные им слуги лишены этого права» [20, 20]. В крайних своих вариантах эта тенденция принимала вид полного недопущения владением оружием крестьянами. У некоторых западных адыгских народов в обозримом историческом прошлом людям, не принадлежащим к дворянским сословиям, воспрещалось не только ношение оружия, но и владение верховыми животными, то есть, лошадьми [21, 47]. Никаким силовым потенциалом отряды народной полиции не обладали, собственно, их потенциал принуждения и не был востребован, так как бейголи и мыртазаки не решали задач по запрету тех или иных действий, а единственной их общественной нагрузкой было поддержание общепринятого порядка. «Не запрещай, но помогай» – в этом состояла роль народной адатной полиции.

Коррекционная и поддерживающая роль данных институтов сохранялась и при смене ментального пространства с приходом ислама. В целом положения шариата в части поведенческих ордеров не сильно отличались от адатных норм кабардинцев и балкарцев, однако и в той части, где существовали серьезные принципиальные различия, бейголи и мыртазаки не проявляли активности. В частности, правовой порядок уложений шариата коренным образом противоречил ряду привилегий и социально допустимых стандартов, закрепленных в кодексах воинского поведения кабардинских и балкарских аристокра-

тов – *Уорк Хабзэ* и *Ёзденадет* соответственно. Например, в реликтовых проявлениях такой нормы обычного поведенческого кодекса, как набег (*зеко*, *жортуу*), общественная полиция никак не препятствовала участникам нападения, более того – отряды, собранные для набегов, могли снабжаться провизией из сёл, подвергавшихся нападениям [22, 170].

Своей корректирующей регулятивной функцией и соответствующими задачами корпуса народной полиции народов Кабардино-Балкарии коренным образом отличались от структур, пришедших им на смену. При включении территории Кабарды и Балкарии в систему государственности Российской Империи, невзирая на нерегулярность воздействия силовых органов России на жизнь равнины, и, тем более, гор, системы надзора метрополии сразу же взяли курс на стандартизацию и унификацию внутри общественных отношений. С учетом полной, можно сказать, тотальной разницы между традиционными устоями обществ горцев и нормативно-правовым пространством Российской империи, адатные положения вступили в прямой конфликт с законами России. Естественно, новой задачей силовых структур на территории Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа стало принудительное введение населения в режим адаптации к правовым нормам и юридическим стандартам государства.

Специфичность процесса перехода из одного нормативно-правового состояния в последующий в Кабардино-Балкарии, заключалась в том, что попыток создания неких переходных силовых структур, соответствующих буферным нормативным локациям, практически, не было. В сфере судебных органов и судопроизводства, разрешенной зоной влияния были частные вопросы общественного устройства, а медиаторные – посреднические и адаптивные – институты были образованы, даже с учётом традиционного сословного строения общества: «В 1793 году учреждены: в Моздоке Верхний пограничный суд, составленный из кабардинцев и других иноверцев под председательством тамошнего коменданта; в Большой Кабарде два родовые суда, один для княжеских родов Мисоста и Атажуки, другой для княжеских родов Бек-Мурзы

и Кайтуки... и две расправы для узденей и крестьян тех же родов; в Малой Кабарде для обоих княжеских родов Таусултана и Гелеслана, один родовой суд и одна расправа для узденей и крестьян» [23, 115-116].

В то же время в части силовых структур произошла метаморфоза. Горцам в рабочем порядке предложили переход в новую систему взаимоотношений, а все предыдущие традиционные каноны внутри общественного устройства вывели за границы юридической нормы и законности.

Институты силовых структур традиционного права не учитывались царской администрацией. Также не рассматривались возможности полноценного самоуправления общественной жизнью, что проявилось сразу в нескольких моментах. Наиболее показательным из таковых стал запрет на ношение оружия мужчинами коренных национальностей [24, 95-96]. Данные говорят и о более жестких мерах сегрегации, таких, как, например, воспрещении приближаться к работающим на полях казакам. Однако относительно этой практики подтверждений ее поддержки на высшем государственном уровне найдено не было – при достаточно большом количестве наблюдений подобного со стороны. Отметим, что в данном случае речь идет о пренебрежении, игнорировании и отмене уложений обычного права, восходящих как к потестарным сообществам, так и к системам развитых феодальных отношений. Так, для кабардинского дворянства кинжал оружием не являл-

ся, носимое в повседневности короткоклиновое оружие представляло собой предмет, приспособленный к бою весьма относительно – короткое и узкое лезвие, чёрен, рассчитанный лишь на пальцевый хват, наличие на нем двух конструктивных штырей-заклёпок, крайне неудобно выступающих над поверхностью рукоятки, превращали кабардинский аристократический кинжал в символ статуса. И если запрет на ношение боевого оружия, так называемого *сау-къама* (у балкарцев, соответственно, *къара-къама*), можно было понять как профилактическую меру, то отмена аристократического кинжала у уорка-всадника подобна отмене эполет у русского офицерства, если бы таковой был введен.

В этой связи можно сделать два принципиальных вывода. Во-первых, нормы традиционного права народов КБР, восходившие к генетически различным цивилизационным этапам, царской администрацией не различались. И вытекающий из первого – главной точкой формирования конфликта между системами государственности Империи и остаточными формами суверенности народов КБР в конце XVIII – начале-середине XIX в. было не само явление полиюридизма (юридического плюрализма), а сохранение в общем корпусе полиюридических воззрений и стандартов институтов архаичных, потестарных сообществ, регулировавших быт этносоциума лишь частично – законы кровной мести, набеговая практика, жесткость сословной сегрегации и т.д.

Примечания:

1. Информатор М.Д. Малкондуев, 1937 г.р., с. Янкой.
2. Информатор М.К. Жабоев, 1960 г.р., с. Белая Речка.
3. Информатор Х.Ч. Жаникаев, 1928 г.р., с. Булунгу.

-
1. *Huntington, E. Civilization and Climate. New Haven, 1924. 488 p.*
 2. *Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX – начала XX вв. // История СССР. 1984. № 3. С. 19-24.*
 3. *Апанченко Ю.А. Обычай и закон: как они уживаются // Юридический вестник. 1996. № 10. С. 17-23.*
 4. *Бабич И.Л. Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. Ставрополь, 2002. С. 86-95.*

5. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 183 с.
6. Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ Хабзэ. Суд в Кабарде XVIII-XIX вв. Нальчик: КБНЦ РАН, 2002. 129 с.
7. Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде // Ученые записки КБИГИ. 1959. Вып. XIX. С. 90-101.
8. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской Империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.
9. Дзуганов Т.А. Черкесское княжество Копа в системе международных торговых отношений в XIII-XV вв. // Исторический вестник. 2010. Вып. IX. С. 289-308.
10. Ионе Г.И., Опрышко О.Л. Памятники рассказывают. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. 135 с.
11. Кланрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 317 с.
12. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 280-300.
13. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007-2008. М.: Институт восточных рукописей РАН, 2009. С. 273-284.
14. Абдулгаффар Кырыми. Умдет Ал-Ахбар. Казань. Институт Истории им. Марджани АН РТ. 2018. Кн. 2. 200 с.
15. О балкаро-карачаевском Тёре // Мир культуры. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 57–69.
16. Саганай спасает Ёрезмека от гибели // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 654 с.
17. Сосруко // Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 418 с.
18. Алауган и дочь эмегенши // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 654 с.
19. Центральный государственный архив КБР. Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 49.
20. Пейсонель К.-III. Трактат о торговле на Черном море. [Электронный ресурс] URL: http://arsnyteka.org/766-peisonnel_sh_traktat_o_torgovle_na_chernom_more.html.
21. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43-53.
22. Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285 с.
23. Броневский С. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2. 481 с.
24. Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Дело. 1884. № 1. [Электронный ресурс] URL: http://arsnyteka.org/921-abramov_yakov_kavkazskie_gortsy.html

Shaozheva, N.A. – Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); disana05@mail.ru

Ulbashev, M.A. – Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); mister.maykl.00@mail.ru

SPECIFICITY OF LEGAL PLURALISM OF THE PEOPLES OF THE KBR: CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTIONS OF CUSTOMARY LAW.

Keywords: *regulatory space, customary law, social model, potestar society, supervisory functions, polyjuridism, ethno-society.*

The article covers a number of problems of the genesis of the norms of traditional behavioral norms of the Kabardians and Balkarians. Particular attention is paid to adat standards in their

connection with the functioning of ethnic institutions of the power and control plan – the structures of myrtazaks and beygols. Being a product of potestar forms of social organization, the people's police of the peoples of Kabardino-Balkaria retained its functional significance until the end of the first quarter of the 19th century, quite successfully adapting to the successive evolutionary changes of national communities. The reason for such a stable existence of primary law enforcement agencies among the Kabardino-Balkaria ethnic groups was the variety of social orders of life and reproduction, which retained the features of almost all civilizational locations associated with the North Caucasus. It is shown that the culture of the indigenous peoples of the republic carries relics of a wide variety of modifications of the social structure, including even rudiments of the urban way of life. This variety of normative standards of Kabarda and Balkaria was preserved until the final destruction of the feudal hierarchies of peoples, which became inevitable when the Russian Empire entered the orbit of statehood, and, in many respects, was initiated by it. It is concluded that the norms of the traditional law of the peoples of the Kabardino-Balkaria Republic, which went back to genetically different civilizational stages, did not differ by the tsarist administration. And the main point of the formation of the conflict between the systems of statehood of the Russian Empire and the residual forms of sovereignty of the peoples of Kabardino-Balkaria in the late 18th – early to mid-19th centuries was not the phenomenon of polyjuridism ("legal pluralism") itself, but the preservation in the general body of polylegal views and standards of the institutions of archaic, potestar communities, which regulated the life of the ethno-society only partially.

For citation: Shaozheva, N.A., Ulbashev, M.A. Specificity of legal pluralism of the peoples of the KBR: civilizational foundations of the institutions of customary law // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 54 (93). Pp.56-65. (in Russian). DOI:

References

1. Huntington, E. *Civilization and Climate*. New Haven, 1924. 488 p.
2. Aleksandrov, V.A. *Obychnoe pravo v Rossii v otechestvennoi nauke XIX – nachala XX vv.* [Customary Law in Russia in Russian science of the XIX – early XX centuries]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. 1984, no. 3, pp. 19-24.
3. Apanchenko, Yu.A. *Obychai i zakon: kak oni uzhivayutsya* [Custom and Law: How They Get Along]. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin]. 1996, no. 10, pp. 17-23.
4. Babich, I.L. *Sootnoshenie obychnogo prava i shariata v pravovoi istorii kabardintsev i balkartsev* [Correlation of customary law and Sharia in the legal history of Kabardins and Balkars]. *Chelovek i obshchestvo na Kavkaze. Problemy pravovogo bytiya* [Man and society in the Caucasus. Problems of legal existence]. Stavropol, 2002, pp. 86-95.
5. Borov, A.Kh., Dumanov, Kh.M., Kazharov, V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. Nalchik, El'-fa, 1999. 183 p.
6. Dumanov, Kh.M., Ketov, Yu.M. *Adyge Khabze. Sud v Kabarde XVIII-XIX vv.* [Adyge Khabze. Court in Kabarda in the XVIII-XIX centuries]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, 2002. 129 p.
7. Kумыков, Т.Кх. *Iz istorii sudebnykh uchrezhdenii v Kabarde* [From the history of judicial institutions in Kabarda]. *Uchenye zapiski KBIGI* [Scientific notes of KBIGI]. 1959, vol. XIX, pp. 90-101.
8. Abazov, A. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoj Imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [Peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2016. 264 p.
9. Dzuganov, T.A. *Cherkesskoe knyazhestvo Kopa v sisteme mezhdunarodnykh torgovykh otnoshenii v XIII-XV vv.* [The Circassian principality of Kopa in the system of international trade relations in the XIII-XV centuries]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. 2010, vol. IX, pp. 289-308.
10. Ione, G.I., Opryshko O.L. *Pamyatniki rasskazy vayut* [Monuments tell]. Nalchik, Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1963. 135 p.

11. Klaprot, Yu. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh*. [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nalchik, El'-Fa, 2008. 317 p.
12. Gorelik, M.V. *Cherkesskie voyny Zolotoj Ordy (po arkheologicheskim dannym* [Circassian warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2017, no. 5, pp. 280-300.
13. Mustakimov, I.A. *Eshchyo raz k voprosu o predkax "Mamaya-tsarya"* [Once again to the question of the ancestors of "Mamai the Tsar"] *Tyurkologicheskii sbornik. 2007-2008* [Turkological Collection. 2007-2008]. Moscow, Institute of Oriental Manuscripts of RAS, 2009, pp. 273-284.
14. Abdulgaffar, Kyrymi. *Umdet Al-Axbar* [Umdet Al-Akhbar]. Kazan, Marjani Institute of History of RT Academy of Sciences, 2018, book 2. 200 p.
15. *O balkaro-karachaevskom Tyore* [On the Balkarian-Karachai Tyore]. *Mir kultury* [The World of Culture]. Nalchik, El'brus, 1990, pp. 57-69.
16. *Satanai spasaet Yorezmeka ot gibeli* Satanai saves Yorezmek from death]. *Narty. Geroicheskie epos balkartsev i karachaevtsev* [The Narts. The heroic epos of the Balkarians and Karachais]. Moscow, Nauka, 1994. 654 p.
17. *Sosruko* [Sosruko]. [The Narts. Adyghe heroic epic]. Moscow, Nauka, 1974. 418 p.
18. *Alaugan i doch' emegenshi* [Alaugan and the daughter of the emegensha]. *Narty. Geroicheskie epos balkartsev i karachaevtsev* [The Narts. The heroic epos of the Balkarians and Karachais]. Moscow, Nauka, 1994. 654 p.
19. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv KBR* [Central State Archive of KBR]. Fund I-6. Inventory 1. Case 49.
20. *Peyssonnel, C.-Ch. Traktat o torgovle na Chyornom more*. [A treatise on trade on the Black Sea]. [Electronic resource]. URL: http://apsnyteka.org/766-peisonnel_sh_traktat_o_torgovle_na_chernom_more.html.
21. Interiano, G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [The life and country of the Zikhs, called Circassians. Remarkable narrative]. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adygs, Balkarians and Karachays in the news of European authors of the XIII-XIX centuries]. Nalchik, Elbrus, 1974, pp. 43-53.
22. Khan-Giray. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. Nalchik, El'brus, 1989. 285 p.
23. Bronevsky, S. *Noveishie istoricheskie i geograficheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest historical and geographical news about the Caucasus]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo, 1823, part 2. 481 p.
24. Abramov, Ya.V. *Kavkazskie gortsy* [Caucasian highlanders]. *Delo* [Case]. 1884, no. 1. [Electronic resource]. URL: http://apsnyteka.org/921-abramov_yakov_kavkazskie_gortsy.html